

## То, чего нет

Мы с Сергеем Параджановым любили одну женщину, и это нас сблизило. Он любил ярко и красиво. Когда она заболела, Параджанов прислал ей ящик апельсинов. Не виденные до того экзотические фрукты она не стала есть не потому вовсе, что не знала. Она разложила их на подоконниках и смотрела на «маленькие сонячки», что прислал среди зимы ее Сережа. Любовалась и выздоравливала.

В другой раз он привез ее из деревни Болотня в цирк (впервые в ее жизни) и показал ей диких зверей. Не таких диких, как придумывала и рисовала она сама, зато живых. Великой народной художнице Марии Примаченко, которой сегодня бы исполнилось девяносто лет, негде было смотреть картины Сергея Параджанова и его коллажи, но она любила в нем неподдельного художника, нежного человека и печалилась о нем, о его неприкаянной жизни, по которой он шел, как по минному полю. Не с миноискателем, но обвязанный гранатами, чтобы взрыв был громче.

Сколько раз он умирал и возрождался, сколько обманывал и одаривал, с каким вызовом играл свою жизненную роль, постоянно обостряя драматургию и репетируя финал.

В нем жил гений. В заточении, в невероятно неблагоприятных условиях содержания. Параджанов пользовал его для друзей, для себя, для необязательных поступков и чудачеств. (Или, может, оберегал таким образом?) Но когда тот вырывался на волю — он сам водил Параджановым и тогда рождались невероятные, невиданные (и часто, увы, невидимые нами) фильмы. Завораживающие и не до конца постижимые.

...Почему так немного коллег, хваставшихся его дружбой и дарами, пришли на его юбилейный вечер? Ему этот визит вовсе не нужен, а им бы пригодился. Для восстановления души...

Теперь с фотографии, которую вы видите. С известным грузинским актером Гоги Харабадзе мы встретили Сергея Иосифовича на улице, после того как он раздал случайным прохожим помидоры, купленные сестрой для семьи, и отправились к нему домой в старый район Тбилиси. Там он одел Харабадзе в берет с пером и блузу, сшитую в подарок Феллини (но так и не отправленную в Италию, поскольку Феллини пока было что носить), а мне велел расчехлить аппарат. Он соскучился по съемке. На единственной фотопленке оказалось много хороших планов. Вполне параджановских. В отсутствие режиссера я — оператор — выбрал тот, где есть Сережа и его дом. Которых больше нет.

Юрий РОСТ



## Человек-праздник Параджанов

В ДВУХКОМНАТНОЙ квартире maestro в Киеве постоянно обитали гости. Конец одного визита плавно перетекал в начало другого. Всегда находился «дневальный», который встречал гостя, обязательно рассказывая очередную параджановскую новеллу. Приходил хозяин, и ментально возникала новая легенда, новый рассказ. Ранее пересказанное дежурным «коверным» сразу блекло. В моей фильмотеке-памяти хранится не один «фильм», созданный Сергеем Параджановым в доме на площади Перемоги. Один из них называется «ПРАЗДНИК».

Праздник гремел всеми возможными помехами совкового громкоговорителя на площади в самом центре Киева. Масса хмельных граждан по сравнению с буднями возросла во сто крат. На крыше огромного здания пылал зеленым неон «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦИРК», оранжевого цвета был просто «ЦИРК». Самая же главная яркость сияла меж двух цирковых модификаций — это были багрово-красные литеры: «СЛАВА КПСС!»

Играли блики на резных иконах в углу гостиной. Играли на высоком лбу хозяина квартиры. Он сидел на высокой деревянной лавке, под гуцульскими рушниками, и чистил огромное красное яблоко. Резко прервав действие, он встал. Быстро вышел из квартиры и постучал в соседскую дверь. Телефона у С.И.П. не было. Возвращается и рассказывает:

— Звоню в цирк. Главному администратору Зайцу.

— Кому?

— Заяц — это фамилия, имени не помню, — прервал вопрос maestro. — Товарищ Заяц! Это Сергей Параджанов. Вам повезло, что я застал Вас... Позвольте спросить: вы спо-

койно спите последние два дня?

— А в чем дело, Сергей Иосифович? — почувал недоброе Главдминистратор. (Его ответы озвучивал сам инициатор диалога.)

— Как в чем? — понизил голос Сергей Иосифович. — Какой сегодня день?

— С-с-седьмое н-н-ноября...

— Вот-вот! — повысил голос Параджанов. Потом сразу перешел к делу: — Что у вас горит на крыше, в связи с великим праздником пролетариата и трудящихся?

— Все как положено, товарищ Параджанов! — отрапортовал слугитель арены. — Слава К-К-КПСС!

— На последней аббревиатуре он снова заикнулся.

— Горит-то горит, а где? Между какими, извините, словами? — почти перешел на шепот Сергей Иосифович. — Между «Цирк» и «Международный цирк!» Вы понимаете, чем это может кончиться?

— А-а-а, ч-что сделать-то? — совсем сник Заяц. — Отец родной... Спаси...

— Спасу, — согласился Параджанов и надкусил яблоко.

— Слушай, — прохрустел Сергей Иосифович. — Немеленно вызывай монтеров со всеми приспособлениями... «Международный цирк» убрать! «Славу КПСС!» оставить! — будет гореть постоянно, не мигая, а вот «ЦИРК» должен пульсировать равномерными вспышками. Понял? Повтори!

Maestro положил огрызок яблока в пепельницу и закивал головой. А над площадью Перемоги до самого утра сияло вечно-багровое «Слава КПСС!» и весело подмигивающее призыву короткое оранжевое «Цирк, Цирк, Цирк...»

Александр ЖГЕНТИ



Коллаж А. Жгенти